

За каменным лесом, позади монастыря на горе Сымин, тихо белел могильный холм.

Могила была обустроена с большой пышностью — сразу видно, что тот, кто занимался ее возведением, приложил немало сил. Однако на подношениях из еды и фруктов перед надгробием лежал толстый слой пыли: сюда давно никто не приходил.

На камне аккуратным почерком кайшу было высечено пять иероглифов: Могила госпожи Чэн Ли.

Ни имени, ни подписи, лишь три слова: госпожа Чэн Ли. Гу Цзинлань едва сдержал горькую усмешку. Иньюань-ди не смог дать ей титул законной жены, не смог даже оставить на надгробии ее собственное имя.

Чья это фамилия — Чэн? Отца или сына?

Гу Цзинлань подошел ближе, опустился на колени и принялся бережно стирать пыль с камня.

Су Цзиньхуэй, стоявшая позади, тихо начала свой рассказ:

— Я прихожусь тебе двоюродной сестрой. Моя тетушка была тридцать восьмой наследной дочерью клана Су. С юности она славилась редкой красотой и талантом, о котором знали по всему Цзяннаню. Когда пришло время выдавать ее замуж, порог нашего дома едва не снесли сваты. Но кто мог знать, что в тот самый момент покойный император издаст указ о наборе наложниц... С ее известностью в Цзяннане у нее почти не было шансов избежать этой участи.

— Через два года император скончался. Наложниц, не имевших детей, приказали принести в жертву. Родные, жалея тетушку, поспешили из Цзяннаня, чтобы увидеть ее в последний раз, и именно тогда обнаружили неладное.

— Я при дворе уже больше года и, пользуясь нынешней милостью императора, смогла наконец разузнать правду о тех днях, — Су Цзиньхуэй горько усмехнулась. — Так называемая великая милость, дарованная Лань Чжаои... это лишь отблеск былого величия моей тетушки, ведь у них одно лицо.

В горах шумел летний ветер, проносясь сквозь бесконечные бамбуковые рощи, чьи звуки напоминали морской прибой. Гу Цзинлань молчал, закрыв глаза и вслушиваясь в этот гул.

— Тетушка была наивна, и, несмотря на свою ослепительную внешность, не смогла противостоять коварству глубокого дворца. Через несколько месяцев император охладил к ней, и именно тогда на нее обратил внимание нынешний государь, который был тогда еще принцем.

— Всем известно, что Его Величество не был наследником — он захватил трон в результате дворцового переворота. А в хаосе тех дней вывезти из дворца забытую всеми наложницу было

проще простого.

— Тетушка была спрятана нынешним императором здесь, в этом монастыре. Когда он взошел на престол, положение было шатким, и он редко навещал ее... но даже этих редких встреч хватило, чтобы она забеременела.

— Родив тебя, она покончила с собой. В то время обстановка при дворе была накалена до предела. Иньюань-ди не мог просто так принести ребенка из ниоткуда, поэтому они с герцогом Вэй заранее договорились: тебя отдадут в клан Лу, а он возведет Лу-ши в ранг Императрицы.

Су Цзиньхуэй вздохнула:

— Я долго думала: любил ли он ее хоть немного? За этот год я поняла, что милость, которую он оказывает мне, — лишь дань его навязчивой идее о тетушке. Но я также думаю: если он действительно ее любил, как мог решиться на такое принуждение? И как мог позволить себе бросить тебя в поместье Лу на целых шестнадцать лет?

— Ты слишком много думаешь, — перебил ее Гу Цзинлань, добавив бесстрастно: — Ты ищешь его искренности?

— ...Не ищу. Тогда и думать не стоит.

Разве может император быть искренним? Он сам не верил, что этот человек испытывал хоть какие-то настоящие чувства к его матери.

Гу Цзинлань вытер надгробие дочиста, трижды поклонился и сказал:

— Благодарю, кузина, что привела меня к могиле матери.

Гу Цзинлань редко говорил так много, хотя лицо его оставалось непроницаемым.

— Кузина... будь осторожна во дворце.

— Разумеется, — ответила Су Цзиньхуэй. Она воспользовалась тем, что император уехал в летнюю резиденцию, и только так смогла выбраться.

Подумав, она добавила:

— Десятого числа девятого месяца — день памяти тетушки. В тот день Его Величество приедет сюда лично... Тебе лучше не приходить.

— Я запомнил, — ответил Гу Цзинлань. — Выходить из дворца опасно. В следующий раз, если будет дело, просто передай весточку.

— Ты так мне доверяешь?

— А разве есть причины не доверять?

Само то, что они оба оказались здесь, уже было высшим проявлением доверия.

Найдя могилу матери и обретя родственницу, Гу Цзинлань не почувствовал больших перемен в своей жизни. Он по-прежнему соблюдал траур, нигде не бывал и большую часть времени проводил в Обители Слушающего Волны вместе с Лу Юаньшао.

Как человек, одаренный величайшей судьбой, Лу Юаньшао начал раскрывать свои таланты: решительный, смелый, схватывающий всё на лету. О грамоте и говорить нечего — когда-то он в восемь лет даже не был обучен основам, а теперь, благодаря усердию, оставил сверстников далеко позади.

А боевые искусства? Он сменил уже двух учителей, и каждый твердил, что у седьмого молодого господина невероятный дар и учить его больше нечему. Сначала Гу Цзинлань думал, что они лгут — неужели этот мальчишка довел их до ручки? Но когда Лу Юаньшао, разозлившись, продемонстрировал тридцать шесть приемов с копьем, Гу Цзинлань замолчал.

Раз учителя стали бесполезны, он нашел способ отправить мальчишку в военный лагерь столичной стражи, чтобы его муштровали настоящие вояки.

Надо признать, Лу Юаньшао идеально вписался в армейскую среду. Хитрость, осторожность и жесткость, необходимые ему в поместье Лу, чтобы просто выжить, здесь стали его главным преимуществом.

Пришел он туда еще «барчуком», а вышел — прожженным солдатом, пропитанным убийственной аурой. Когда он смотрел на тебя своим тяжелым взглядом, по спине пробегал холодок, словно на тебя уставился голодный зверь.

Лу Юаньшао тайком выбирался с отрядом охраны генерала, охотился на диких зверей и сражался с разбойниками — его руки действительно были в крови.

Гу Цзинлань об этом не знал.

Три года пролетели незаметно. Гу Цзинлань по-прежнему раз в полмесяца навещал Шэнь Ханя, чтобы выпить вина и получить наставления, которые потом отрабатывал на практике. На гору Сымин он тоже ездил часто, но всегда в маскировке, в одиночку, привозя вино и закуски, чтобы провести вечер у могилы матери.

Лу Юаньшао возвращался из лагеря раз в полмесяца на два дня. В это время Гу Цзинлань подбирал ему книги — разумеется, в основном по военному делу.

Спустя три года тот худенький, желтолицый, жалкий мальчик вырос до плеча Гу Цзинланя. В свои одиннадцать он был высок, как четырнадцатилетний подросток, с окрепшим костяком и статной осанкой.

Густые брови, ясные глаза, прямой нос — уже сейчас было видно, каким красавцем он станет.

Только вот... Гу Цзинлань поморщился, словно от зубной боли.

Почему его лицо кажется ему с каждым днем всё более знакомым?

Траур закончился, и он вернулся на службу. Правда, больше не при императоре, а, подобно когда-то Шэнь Ханю, в Министерстве доходов, став скромным помощником чиновника шестого ранга.

Иньюань-ди был недоволен: многие ровесники его сына уже сделали карьеру, а он, будучи лучшим на экзаменах, из-за траура вынужден был сидеть в тени.

Под конец года, при подведении итогов, император без лишних слов повысил его — Гу Цзинлань стал чиновником пятого ранга.

В день повышения, невзирая на сильный снегопад, он лично отправился в лагерь забрать Лу Юаньшао.

За три года он привык считать Лу Юаньшао своей семьей... хоть это лицо и казалось подозрительно знакомым.

Гу Цзинлань, закутанный в лисью шубу, вышел из кареты. Ветер был таким сильным, что он накинул капюшон, отороченный пушистым мехом, что лишь подчеркивало его изысканные черты лица.

Он распорядился, чтобы слуга передал весть генералу, а сам подозвал солдата, чтобы тот позвал Лу Юаньшао.

Тот как раз отдыхал, и, услышав, что приехал Гу Цзинлань, бросил миску и помчался к воротам. Сослуживцы тут же начали подшучивать:

— О! Юаньшао, твоя «женушка» снова пожаловала?

— Языки прикусите! Я же говорил, это мой дядя! — отрезал Лу Юаньшао.

Солдаты в лагере были грубыми и языкастыми, не упуская случая подколоть:

— Да ладно тебе! Дядя-то у тебя красавец, небось, он гэ-эр? Раз до сих пор не женат, может, на тебя положил глаз?

— Точно-точно!

— Эй, парень, а ты сам-то как? Твой «инструмент» там еще не встал, глядя на него?

Лу Юаньшао остановился, помрачнев. Оглядев толпу, он выцепил зачинщика и одним ударом разбил ему нос:

— Ма Ланьцзы, не умеешь держать язык за зубами — не открывай его! Не хватало еще, чтобы я учил тебя человеческой речи!

Хотя он прекрасно знал, что дядя — гэ-эр, на людях об этом болтать было нельзя, особенно когда кругом ползли слухи.

Пусть он был молод, но обладал острым умом и силой, и никто из солдат не мог с ним сравниться.

Смех стих. В лагере воцарилась тишина, и Лу Юаньшао, пронзив взглядом наглецов, бросился к выходу.

У него было зрение острое, как у сокола: он издалека увидел дядю в белоснежной шубе, стоящего в снегу. Тот кутался в мех, и лишь лицо, бледное и холодное, как этот снегопад, виднелось из-под капюшона, да кончик носа покраснел от мороза.

Он вспомнил, как они вместе выбирали эту шубу. Он тогда хотел взять ярко-рыжую, из меха огненной лисы, думая, что она подчеркнет красоту дяди. Но тот отказался и выбрал белую. Теперь он понял: дядя хотел спрятаться от чужих глаз, чтобы никто не увидел его красоты.

— Дядя! — Лу Юаньшао подбежал, широко улыбаясь, и обнял его, случайно сбив капюшон, который тут же заботливо поправил.

— Поедем обедать в ресторан Любование Луной.

Они давно не виделись, и мальчишка был всё таким же по-детски радостным. Гу Цзинлань взял его за руку и едва заметно улыбнулся:

— Я предупредил генерала. Садись в карету.

Сердце Лу Юаньшао забилося в бешеном ритме. Он подумал: вот так и должно быть — дядя улыбается только ему одному, а для остальных остается ледяной глыбой.

Лу Юаньшао крепче сжал руку Гу Цзинланя, переплетая свои пальцы с его.

Гу Цзинлань вздрогнул, но не отстранился.

В Обители Слушающего Волны.

Вернувшись из ресторана, они немного отдохнули и легли спать.

Хотя Лу Юаньшао вырос и больше не походил на тощего желтого обезьяныша, из-за редких визитов из лагеря Гу Цзинлань по-прежнему спал один, поэтому и не просил его переселиться.

Лу Юаньшао лежал внутри, Гу Цзинлань повернулся к нему спиной. Юноша ворочался, не в силах уснуть: в голове эхом отдавались насмешливые слова солдат про «женушку».

Он перевернулся и тихо открыл глаза. Лунный свет просачивался сквозь решетки окон, заливая комнату синевато-золотым сиянием. В этом полумраке он принялся разглядывать спину дяди.

Шея была гладкой, кожа — тонкой и нежной, белее, чем его собственная, с легким желтоватым оттенком. Эта белизна казалась такой хрупкой: казалось, стоит чуть сильнее сжать — и останется синяк. А под воротником виднелся изящный изгиб позвоночника.

На открытой коже выделялась одна деталь — красная родинка, знак гэ-эра, расположенная чуть выше лопаток, ближе к левому плечу.

Он уже много раз рисовал ее в своих мыслях, лежа на этой кровати, и теперь знал ее расположение с закрытыми глазами.

Он видел родинки у других гэ-эров, но ни одна не была такой чистой, такой яркой, как у дяди — словно капля крови, упавшая на свежий снег.

Сердце Лу Юаньшао внезапно забилося в неистовом порыве. Родинка словно манила его, и он не мог отвести взгляд... Ему вдруг захотелось прикоснуться к ней губами.

Горячее дыхание коснулось кожи Гу Цзинланя. Тот не спал и, почувствовав неладное, пробормотал сонным, хриплым голосом:

— Что такое?

— Ни... ничего.

В самый последний момент, когда до родинки оставалось лишь несколько волосков, Лу Юаньшао замер.

Он опомнился и быстро отвернулся, чувствуя, как внутри всё сжалось от страха.

Хорошо, что он не поцеловал ее. Иначе его бы не просто выгнали из комнаты... его бы, возможно, вышвырнули из Обители навсегда.

Гу Цзинлань, вскоре уснувший, не заметил странного поведения своего племянника. На следующий день у него был выходной, и он не стал отправлять Лу Юаньшао обратно. Они вдвоем сидели у очага, наслаждаясь тихим зимним днем.

На третий день, терзаемый совестью, Лу Юаньшао сбежал обратно в лагерь, а Гу Цзинлань, едва войдя в ведомство, услышал, как коллеги обсуждают новость: наложница Лань беременна.

Да, прошло три года, и бывшая Лань Чжаои стала наложницей Лань, заняв почетный третий ранг — настоящая наложница Сына Неба.

Вчера ей стало плохо, появилась тошнота и сонливость, и, послушавшись служанок, она вызвала лекаря.

Прибывший врач из Императорской академии диагностировал беременность — уже три месяца. Новость быстро дошла до Иньюань-ди. Император, в последнее время бывший не в духе, расхохотался от радости, расцеловал наложницу и щедро одарил всех обитателей дворца Гуанлань.

В императорской семье давно не было добрых вестей. Сам император был уже немолод, старшие принцы давно обзавелись женами, и никто не ожидал, что в зрелом возрасте он обретет еще одного ребенка.

Император был безмерно счастлив и окружил наложницу Лань небывалой заботой: весь персонал дворца Гуанлань заменили на доверенных слуг из дворца Цилиня, а за ее питанием и покоем следили лично люди императора. Это был четкий сигнал двору: Я защищаю этого ребенка! Подумайте дважды, прежде чем что-то замыслить!

Только после этого многие, кто затаил недоброе, присмирели.

Во дворце Фэнъи Императрица Лу в истерике крушила вещи. Ее лицо было залито слезами, вид

был растрепанный, и от бывшего величия матери Поднебесной не осталось и следа.

Почему! Лекари обещали, что ее здоровье поправится, она три года заботилась о себе, император часто навещал ее, но... ничего! А та дрянь из дворца Гуанлань беременна!

Она так мечтала о ребенке... но его не было! Не было!

Ей уже тридцать шесть! Лучшие годы прошли... Неужели она так и не познает радости материнства?!

В глубине души она тешила себя надеждой на слова императора: если в гареме родится ребенок, он отдаст его ей на воспитание.

Но сердце болело от обиды... почему она должна воспитывать чужого ребенка, отдавая ему титул и почести, которые должны принадлежать ее собственному сыну?

<http://bllate.org/book/20357/2035249>